

В. А. ТВАРДОВСКАЯ

«ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕТРИЕ» В ТВОРЧЕСТВЕ
ДОСТОЕВСКОГО

Последние годы жизни Достоевского совпадают с революционным подъемом в стране. «Наше время — такое горячее и неопределенное, а главное такое возбуждающее время», — выразил писатель в конце 1870-х гг. особенность переживаемого момента (30₁, 91, 79, 80). Возбуждалась общественная активность, возбуждались надежды и иллюзии, общественные страсти. Возбуждались — с особой остротой — насущные, злободневные вопросы русской жизни. Для Достоевского они всегда тесно переплетались с общечеловеческими — «вековыми», «капитальными». «Вообще у нас все теперь в вопросах», — замечал он в последнем «Дневнике писателя» (27, 10). Эта же особенность времени осознавалась и в демократической журналистике тех лет. «Вопросы-то нынче как-то ребром встали, — писал М. Е. Салтыков-Щедрин, — ужасно неприятные, назойливые вопросы!».¹ «Странно было бы требовать в такое время как наше от людей ясности», — говорит в романе «Братья Карамазовы» прокурор, которому автор отдал часть своих наблюдений над действительностью. Но сам Достоевский настойчиво искал именно ясности, определенности, решая в творчестве последних лет и новые проблемы и возвращаясь заново к старым, казалось, уже решенным. Он не оставался равнодушным ни к одному из вопросов, волновавших в годы революционной ситуации русскую печать, которая подводила своеобразные итоги пореформенному развитию, стремясь определить дальнейшие перспективы страны.

В этот период Достоевский, можно сказать, одержим социально-экономическими проблемами. Никогда от них не устранившийся, в последние годы он особенно на них сосредоточился. Несколько пронизируя над общей тягой к нпм, которую он определил как «экономическое поветрие», писатель устремляется в самую гущу экономических дискуссий. «Господи, неужели и я, после трех лет молчания, выступлю, в возобновленном „Дневнике“ моем, со статьей экономической? Неужели и я экономист, финансист?» — такой самоиронией открывался «Дневник писателя» за 1881 г. (27, 5). И хотя автор уверял, что не заразился «экономизмом», именно социально-экономические проблемы составили львиную долю этого,

¹ Щедрин Н. Не весьма давно : (Осенние воспоминания) // Отеч. зап. 1880. № 4. С. 556.

оказавшегося последним, выпуска его журнала, определили и политические выводы, и его нравственный пафос. Достоевский опять же не без лукавства утверждал, что, поставив эти проблемы, последовал стадному чувству: «... все пишут, все тревожатся, так как же и мне не тревожиться, подумают, что не гражданин, не интересуюсь» (27, 6). Давая понять, что на экономические темы много ведется пустопорожней болтовни, писатель признавал, что есть в печати «кое-где и настоящая гражданская тревога, есть боль, есть болезненные сомнения за будущее» (там же). Слова эти не могли относиться к прессе официальной и официозной, утверждавшей полное благополучие в стране и видевшей клевету и очернительство в критическом отношении к социально-экономическим порядкам. Устойчиво-отрицательное отношение Достоевского к либеральной публицистике, в высказываниях которой о нуждах народа он усматривал своекорыстие и поверхностность, не позволяет и к ней адресовать это замечание. Остается предположить (а в ходе изложения проверить это предположение), что речь идет о демократической журналистике, знакомство с которой обнаруживают и письма, и записные тетради Достоевского, и его библиотека.² Именно со страниц народных журналов звучала та гражданская тревога и боль, не почувствовать которую не мог писатель, сам тревожившийся и болевший теми же вопросами о положении народа, о судьбах капитализма в России, о перспективах ее развития.

Сила, считавшаяся им губительной и вредоносной для России, для народа (капитализм), внедрение которой в русскую жизнь писатель со страхом и отвращением наблюдал в пореформенное время, по его заключениям, все более утверждалась. Рубеж 1870—1880-х гг. давал в этом смысле особые возможности для подведения итогов: оживленное обсуждение вопроса о настоящих и будущих достижениях буржуазного развития в России, ряд статистических исследований новых социально-экономических явлений в стране (по материалам пореформенных десятилетий) — все это не могло выпасть из поля зрения писателя.

Его размышления о направлении, принимаемом русской жизнью, питались и непосредственными впечатлениями — в столице и в провинции. В маленьком уездном городке Старая Русса Новгородской

² В 1878 г., когда началась работа над «Карамазовыми», в записной книжке Достоевского появляется пометка: «Прочсть: Иванова, Сергеевича и т. д. Энгельгардта из деревни» (27, 115). В комментариях к 30-тому собранию сочинений Достоевского объясняется, что, «возможно, речь идет о книге Д. Л. Иванова „Геройская смерть Данилова Кокандский бунт в 1875 году“. СПб., 1876» (27, 380). Более вероятным представляется, что имелись в виду очерки Г. Успенского в «Отечественных записках» (печатавшегося под именем Г. Иванова). Симптоматично, что рядом назван автор того же журнала А. Н. Энгельгардт. В библиотеке писателя находились комплекты «Отечественных записок» за 1870-е гг. Книга Д. Л. Иванова, имевшаяся у Достоевского, по-видимому, прочитана им значительно ранее, поскольку в «Дневнике писателя» он не раз писал о Данилове (24, 206, 213: 25, 12—16). Проявлял интерес Достоевский и к В. В. Берви-Флеровскому (30, 30).

губернии, где начиная с 1872 г. его семья проводила ежегодно по нескольку месяцев — с весны до осени, капитализм также завоевывал свои рубежи. Пришел в упадок древний промысел солеварения, но выросли новые предприятия — лесопильные, кожевенные, красильные, дегтярные, восковые заводы и заводики, денежный оборот которых достигал десятков тысяч рублей. Резко выросло к началу 1880-х гг. и местное торговое сословие. Оборот старорусского общественного банка, составлявший в середине 1860-х гг. 71 702 р., в 1884 г. достигал 17 588 р. 14 к. Сотни тысяч рублей составлял оборот местных ярмарок.³

В глухом провинциальном городке Скотопригоньевске, где происходит действие романа «Братья Карамазовы» (прообразом послужила Старая Русса), повые — буржуазные — отношения явственно заявляют о себе. Все сословия, все классы русского общества, представленные в этом «эпосе современной России» (как определил роман Л. П. Гроссман), оказываются в них втянутыми. Капитал вторгается в среду дворянскую, купеческую, чиновничью, военную, крестьянскую. Влияет на продвижение по службе, проникает в идеологическую сферу, диктуя свои запросы журналистике. Капитал воздействует на любовь и брак, на родственные и дружеские связи, разлагая их. В литературе справедливо отмечалось, что в «Карамазовых» капитализм с особой яркостью предстает как разрушительная стихия, лишенная какого-либо созидательного начала.⁴ В центре повествования — история распада дворянской семьи, призванная, по мнению видного исследователя поэтики Достоевского, символизировать разложение современной России под натиском капитализма.⁵

Глава семьи — Федор Павлович Карамазов — не столько помещик, сколько предприниматель. Занимаясь спекуляцией, насаждая в округе кабаки, он составил стотысячное состояние, но по-прежнему одержим жадной наживы. Корыстолюбие отчуждает его от окружающих, пронизывает его отношения к родным сыновьям: страх, что они посягнут на его капитал, преобладает над всеми другими чувствами. Продолжая традицию русской классической литературы, Достоевский последним романом внес свой ощутимый вклад в развитие антибуржуазных настроений в русской интеллигенции.

Критикуя капитализм, обличая его вредоносность, Достоевский, разумеется, не звал назад — к крепостничеству. «Я не крепостное состояние оплакиваю, — объяснял он свою критику современного строя, — я беспорядок и безначалие оплакиваю» (27, 48). Однако капитализм понимался им как упадок, регресс: в его представлении эта новая ступень общественного развития не только не стала выс-

³ Иллюстрированный историко-статистический очерк г. Старая Русса и старорусского уезда / Сост. М. И. Полянский. Новгород, 1885. С. 141 (1-я pag.) (далее: *Полянский*).

⁴ *Долинин А. С.* Последние романы Достоевского: Как создавались «Подросток» и «Братья Карамазовы». М.; Л., 1963. С. 283; *Чирков Н. М.* О стиле Достоевского: Проблематика, идеи, образы. М., 1967. С. 241.

⁵ *Гроссман Л. П.* Последний роман Достоевского // *Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы. М., 1935. С. 19.

шей, не принесла народу блага, но была чревата опасными последствиями именно для масс. Крепостничество, с его точки зрения, пало неизбежно и закономерно: «... рухнуло крепостное право, мешавшее всему, даже правильному развитию земледелия», однако основному производителю — «мужику не только разбогатеть, но и выбиться из нищеты не удалось» (27, 9). Крепостные отношения для Достоевского — при всей их противоестественности — проще, грубее, патриархальнее, чем новые, буржуазные. Они не знали такого совершенства и многообразия форм эксплуатации, не опутывали народ столь всесторонне, не обладали такой всеразрушающей силой. По убеждению писателя, отношения помещиков и крестьян вполне могли быть исправлены путем нравственного самоусовершенствования владельческого класса. Доказывая это, он приводил в «Дневнике писателя» знаменитый пример с гоголевской Коробочкой, которая, став настоящей христианкой, могла бы совершенно изменить природу взаимоотношений со своими крестьянами, и «крепостного права в ее поместье уже не существовало бы вовсе... несмотря на то, что все крепостные акты и купчие оставались бы у ней по-прежнему в сундуке» (26, 162). Никто ни в либеральной, ни в демократической печати не принял всерьез этого положения Достоевского, порожденного, как это и бывало у писателя, не столько мыслью, сколько неотрывным от нее художественным воображением. Но оно характерно для его разного подхода к крепостнической и буржуазной эпохам. Капитализм — по его мнению — противостоит религии и нравственности. Само религиозное чувство буржуа пропитано своекорыстием, что для писателя хуже искреннего безверия. Именно с точки зрения практической надобности смотрит на религию Федор Павлович, развращенный предпринимательством, не верящий ни в рай, ни в ад. Вняв объяснениям Ивана, что с упразднением религии будут ликвидированы и помещичьи привилегии, он вполне соглашается с ее необходимостью («Пусть стоит твой монастырек, Алешка, коли так»).

Утверждая, что экономические силы страны все больше попадают во владение предпринимателям, железнодорожным и банковским дельцам, Достоевский зачастую олицетворяет этих последних в «жидах». В его публицистике это понятие становится скорее социальным, чем национальным, а неприятие еврейства выражает именно вражду к буржуазности, а не к данной национальности как таковой. Охотно поддерживал это неприятие К. П. Победоносцев, сам любивший посетовать на засилье «жидов».⁶ Однако при всем внешнем сходстве их отношения к новому эксплуататорскому классу, создававшему для Достоевского иллюзию единомыслия, оно было очень разным. Идеологами самодержавия — Катковым и Победоносцевым — капитализация признавалась столь же необходимой, сколь и опасной своими социальными последствиями. Укрепляя мощь самодержавного государства, промышленное и железнодорожное строи-

⁶ См. письмо К. П. Победоносцева Ф. М. Достоевскому от 19 августа 1879 г. // Лит. наследство. 1934. Т. 15. С. 142.

тельство вызывало к жизни новый владельческий класс, грозивший потеснить дворянство, могущий со временем претендовать и на свою долю власти. Опыт европейского развития заставлял дворянство с настороженной враждебностью следить за ростом и усилением русской буржуазии, ставя определенные преграды ее политическому усилению. Для Достоевского — и в этом его сходство с демократической мыслью — капитализм ненавистен как строй, несущий новые формы гнета народу. Писатель видел огромное разлагающее воздействие буржуазных отношений, их разъединительные тенденции, развивающиеся не только в пореформенном обществе в целом, но и в самом народе, «крепкую единительную силу» которого он всегда отмечал как «особливую» черту.

* * *

Еще в середине 1870-х гг. Достоевский с удовлетворением писал, что «народ удержал до сих пор, при всех неблагоприятных обстоятельствах, *общинный быт*» (20, 21). По наблюдению исследователей, именно с общиной связывал писатель начала коллективизма и многие положительные черты народного характера и мышления.⁷

Отзвуком его заинтересованного и пристрастного восприятия дискуссий об общине звучит его осуждение в адрес тех, кто не признает ее «характерной самостоятельной чертой» русского народа, «утверждая, что эти черты у всех младенческих народов» (27, 58). Подобные идеи одним из первых высказал в исследованиях об общине М. М. Ковалевский.⁸ Будучи поддержаны в либеральной печати, они не нашли признания в народнической.

И вот эта «характерная самостоятельная черта» народа начинает меняться под натиском новых сил. «Крепкая единительная сила» народа уступает разрушительной стихии капитализма. «Протекло время с освобождения крестьян — и что же: безобразия волостных управлений и нравов, водка безбрежная, начинающийся пауперизм и кулачество, т. е. европейское пролетарство и буржуазия и проч.», — подводит писатель итоги двум пореформенным десятилетиям в письме к современнику (30, 41). Некоторыми из этих наблюдений он наделил старца Зосиму — героя последнего романа, которому в значительной мере отведена роль рупора авторских идей. «Наступает и в народе уединение: начинают кулаки и мироеды <...> Народ загноился от пьянства и не может уже отстать от него» (14, 285—286), — таково влияние новых условий, по словам мудрого старца, и в монастыре не потерявшего связи с жизнью. «Столпование чумазого», — как определил выделение кулака из сельской массы М. Е. Салтыков-Щедрин, — занимало Достоевского не менее, чем демократическую журналистику. На рубеже 1870—

⁷ Фридлендер Г. М. Реализм Достоевского. М.; Л., 1964. С. 39—40; Попов В. П. Проблема народа у Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1980. Т. 4. С. 42—43.

⁸ Ковалевский М. М. Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения. М., 1879.

1880-х гг. его размышления о деревенской жизни, встречавшиеся ранее на страницах «Дневника писателя» 1870-х гг., приводятся в определенную систему и обобщаются. Достоевского волнует сам механизм превращения общинника в личность, противостоящую «целокупному» крестьянскому миру, порывающую с «народной правдой». Писателю важно проникнуть в психологию такого превращения, нащупать его внутренние пружины.

По заключениям его, высказанным в последнем «Дневнике», в условиях, в которые поставлена деревня «недоделанной реформой», крестьянин всеми обстоятельствами подталкивается к выводу: «... одному-де кулаку и мироеду житье <...> так стану-де и я кулаком, — и станет, — с горькой уверенностью добавляет Достоевский, воссоздавая эту логику мужицких раздумий. — Другой, посмирнее, просто сопьется» (27, 17). Возвращение к этому мотиву в записной тетради показывает, как настойчиво и упорно пытается писатель проследить и выразить сам ход крестьянского сознания, ведущий к разрыву общинных связей. «Мужик, пьянство, бессудность: пропадай всё, буду и я кулаком. Правды нет» (27, 63). Через несколько страниц — снова та же навязчивая тема: «Положение мужика. Есть от чего в отчаяние прийти. Нет, говорит он, сам пойду в кулаки. И только разве святой останется непоколебимым» (27, 65).

Эти наблюдения и выводы — сродни народнической журналистике. Два года ранее «Отечественные записки» рассказывали как о чем-то уже не подлежащем сомнению, что «в деревне пышным цветом расцветает кулачество и стремится к закабалению слабейшего крестьянства в батраки, к разрушению общины». Журнал Салтыкова-Щедрина пытался исследовать условия этого «расцвета» чуждых народу социальных сил, утверждая, что все условия пореформенной деревни благоприятствуют ему. Когда «рубль, эта капиталистическая луна, выплывает на первый план деревенского ландшафта, если на него обращаются все взоры, все помыслы и душевные силы» — «он становится мерилom личности».⁹

И если Достоевский (в записках для себя) имел в виду «недоделанную реформу» как основу последующих бедствий деревни, то народовольцы в своей газете в полный голос говорили о «недооконченности» реформы, создавшей условия, которые «не могут не выдвигать из массы хищническое кулацкое сословие».¹⁰

Ход мысли писателя здесь близок народническому: именно малоземелье создает условия для успешного освоения капитализмом деревни, в то время как наделение землей должно было лишить капитализм почвы. В. И. Ленин обращал внимание на это специфически народническое восприятие пореформенного развития, сказавшееся в непонимании того, что «чем больше земли (и чем дешевле) получали крестьяне от крепостных бар, чем больше было

⁹ [Кривенко С. Н.] Новые всходы на народной ниве // Отеч. зап. 1879. № 2. С. 127. В. И. Ленин на материале этой статьи рассматривал характерные для народнической идеологии оценки капитализма (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 354 и след.).

¹⁰ Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 23, 24.

„земли и воли“, тем *быстрее* шло развитие капитализма, тем *скорее* обнаруживалась *буржуазная* природа крестьянина». ¹¹

Но революционеры, выдвигавшие требования «земли и воли», были убеждены, что с ликвидацией малоземелья укрепятся позиции общинного крестьянства. Пореформенная же обстановка, с их точки зрения, «словно нарочно придумана, чтобы породить кулака». «Для человека умного, энергичного, имеющего потребность личной жизни, в этой среде нет другого выхода: либо погибать вместе с миром, либо самому сделаться хищником». ¹²

В народнической литературе кулак и выступает ловким хищником, грабителем, мошенником и вором, который в душе и сам сознает, что действует «не по совести и правде». В публицистике «Отечественных записок» прямо объяснялось, что кулака возвышает не хозяйство, а «мироедство». В условиях всеобщего обнищания, которое переживает пореформенная деревня, как следствие всеобщей причины, т. е. действующей одинаково на всех, — разбогатеть можно было отнюдь не путем развития хозяйства: кулак всеми правдами и неправдами «прибирал к рукам то, чего лишались другие». ¹³

Обладавший острым социальным чутьем критик из революционного лагеря П. Н. Ткачев замечал по поводу этой тенденции в народнической беллетристике, что современные кулаки «не грабят, не совершают подлогов, не мошенничают, не жгут и не разбойничают — нет, они только... „пускают в оборот капитал на законном основании“». ¹⁴

Кулак Трифон Борисович из «Братьев Карамазовых» несомненно нарушает сложившийся в народнической литературе стереотип воплощения сельского мироеда, близко подходя к образам Г. Успенского и Салтыкова-Щедрина. Хозяин постоялого двора в Мокром, в полном смысле слова человек из народа, крестьянин по происхождению, он сохраняет в своем быту многое из уклада деревенской семьи. Из народа и купец Кузьма Самсонов — содержатель Грушеньки. И Горсткин, по прозвищу «Лягавый», торговец «по крестьянству» — сам из крестьян. Трифон Борисович не «ненавистник мужиков», как кулак из «салонов современной беллетристики», а смотрит на них, говоря словами Ткачева, внимательно и цепко как «на рыночную ценность». Он никого не грабит, не жжет, а, пользуясь нищетой соседних крестьян, «пускает в оборот капитал на законном основании»: «Половина с лишком мужиков была у него в когтях, все были ему должны кругом. Он арендовал у помещиков землю и сам покупал, а обрабатывали ему мужики эту землю за долг, из которого никогда не могли выйти» (14, 373).

Достоверность этого образа вполне могла быть подтверждена материалами демократической журналистики, раскрывающими меха-

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 334.

¹² Литература партии «Народная воля». С. 24.

¹³ [Воронцов В. П.] Московская губерния в трудах ее земских статистиков // Отеч. зап. 1880. № 5. С. 27.

¹⁴ Никитин П. Н. [Ткачев П. Н.] Мужик в салонах современной беллетристики // Дело. 1879. № 7. С. 22.

низм хозяйничанья кулаков в деревне. Его реальные черты, те конкретные штрихи, которые сообщали ему и индивидуальность и узнаваемость одновременно, явились не из литературы, а были, как это свойственно Достоевскому, итогом жизненных впечатлений. Непосредственное соприкосновение с крестьянством у писателя пло в Старой Руссе — городке, переходившем в деревню и составлявшем ее продолжение. Здесь происходили те же процессы, что повсеместно отчетливо обозначились на исходе второго пореформенного десятилетия. В списке старорусских крупных землевладельцев, имеющих свыше 100 десятин, уже выделяется к середине 1880-х гг. значительная группа крестьян, имеющих, в частности, по несколько сот десятин, как и в списке «крупных землевладельцев, не занимающихся сельским хозяйством».¹⁵

Трифон Борисович показан не только паразитом, сосущим соки окрестных мужиков. Огромно развращающее влияние его постоянного двора на крестьянскую среду, втягиваемую им в разгул и попойки — в угоду заезжим барам. Сцена Митинового кутежа в Мокром в этом смысле и призвана показать, как уже заражена народная нравственность тлетворным влиянием новых, внедряющихся в деревню отношений. Характерно, что в песнях, которые поют крестьянские девки, предпочтение — даже перед барином — отдается купцу («купчик будет торговать, а я буду царевать»).

В литературе либеральной, славянофильской, «охранительной» рост кулачества рассматривался как естественный жизненный процесс. Сам термин «кулак», «мирод» зачастую заменялся определением «справный», «зажиточный», «крепкий» хозяин. Издания Каткова до начала 1880-х гг. высказывались за разрушение общины, как препятствия к выделению этих «крепких» хозяев. Лишь в 1880-е гг., когда «охранители» стали видеть в кулаке конкурента помещику, они заговорили об опасности этой новой экономической силы в деревне, заверяя, что крестьяне найдут от нее защиту в местном дворянстве. Но на рубеже 1870—1880-х гг. Катков еще предлагал пропагандировать опыт «справных» — подобных Трифону Борисовичу — хозяев.¹⁶ Выступая в отличие от катковских изданий в поддержку общины, аксаковская «Русь» не считала кулачество опасным («мир постоит за бедняков»). И вполне в духе «охранителей» славянофильская газета сетовала, что «сила и злоупотребления мироедов сильно преувеличены некоторыми рассказчиками, незнакомыми с общинным бытом крестьян». Кулак же не настолько силен, «чтобы влиять заметно на дела собственно общины».¹⁷

В понимании зловещей социальной роли кулака Достоевский резко отделялся от либеральной, славянофильской и консервативной мысли, сходясь с народничеством.

¹⁵ Полянский. С. 91—92, 93—94 (2-я паг.).

¹⁶ К. Л. Краткое сравнение хозяйств крестьян Тамбовского и Нассауского // Моск. ведомости. 1881. 11 янв., № 1; 15 янв., № 15.

¹⁷ Кишенский Дм. Письма о русском крестьянстве // Русь. 1881. 14 марта, № 18. С. 10; 21 марта, № 19. С. 16—19.

Представитель сельской буржуазии в первом поколении Трифон Борисович не только показан в период обретенного могущества — он намечен и как фигура будущего. Сколотив солидный капитал, властвуя над окрестными мужиками, этот выходец из народа «мечтал и о высшей роли неустанно» (14, 373). Читатель воспринимает мечты кулака как вполне реальные. Трифон Борисович чрезвычайно жизнеспособен, деятелен, оборотист, и преград его активности в деревне нет никаких.

Художественное воплощение процессов, происходящих в крестьянстве, вступало в спор с тем их осмыслением, которое давал им писатель в публицистике. Признание единой нераздельной «целостности» русского народа, объединенного идеалами «высшей правды», характерное для «Дневника писателя», оказалось в противоречии как с художественной правдой образов кулаков из романа «Братья Карамазовы», показанных во всей их обыденности, неминуемости, могуществе и росте, так и с тем пониманием неизбежности «мироедов», которое высказано в этой же публицистике. Достоевский, видимо, предвидел вопросы о том, как совместить утверждаемые им христианские идеи «высшей правды», объединяющие народ и превращающие его в единое целое, с растущим из его недр кулачеством. Характерна запись, показывающая, что он собирался остановиться на этом противоречии в «Дневнике писателя»: «... Алексей человек божий — идеал народа, а вы сейчас скажете: а кулак» (27, 55).

Думается, справедлива мысль исследователя, что в «идеальной конструкции народного мирозерцания, в символике „народной правды“ Достоевский как бы отвлекался от анализа социального расслоения народа», о котором с такой силой и пронизательностью говорил в своем творчестве. Верно и то наблюдение, что в сознании писателя «эмпирическая сторона народной жизни» (нищета, пьянство, разврат, вековые рабские привычки) в определенной степени существовала отъединенной от той идеальной стороны ее, которая для Достоевского выражала внутреннюю духовную суть народа.¹⁸

Подобное противоречивое, двойственное восприятие народной жизни по-своему характерно и для народнической идеологии. Признавая забитость, приниженность мужика, доведенного в «погоне за рублем» почти до состояния рабочей скотины, народническая мысль одновременно же делала ставку на черты народа, в ее представлении, воспитанные общинным укладом: привычку к труду, чувство коллективизма, склонность к взаимопомощи, взаимответственности и т. д. Но для крестьянской демократии характерно ощущение нарастающей опасности, которой подвергаются «общинные инстинкты» в обстановке надвигающегося на деревню капитализма. Для Достоевского, казалось бы, разделявшего эти опасения, само

¹⁸ Кантор В. К. «Братья Карамазовы» Ф. Достоевского. М., 1983. С. 37—38.

присутствие в массах «народной правды» — в смысле жажды идеального мироустройства, тяги к иной, лучшей и справедливой жизни — есть определенная гарантия от опасностей окружающей действительности и ее вредных тенденций. «Но спасет Бог Россию, — вещает Зосима, — ибо хоть и развратен простолудин и не может уже отказать себе в смрадном грехе, но все же знает, что проклят Богом его смрадный грех и что поступает он худо, греша. Так что неустанно еще верует народ наш в правду...» (14, 286). В противоречии со своими же выводами о начавшемся разъединении крестьянского мира, о появлении в нем «пролетарства и буржуазии» писатель, взгляды которого, как уже говорилось, невозможно отделить от воображения и мифотворчества, утверждал, что «наша нищая неурядная земля, кроме высшего слоя своего, вся сплошь как один человек. Все восемьдесят миллионов ее населения представляют собою такое духовное единение, какого, конечно, в Европе нет нигде и не может быть, а стало быть, уже по сему одному нельзя сказать, что наша земля неурядна, даже в строгом смысле нельзя сказать, что и нищая» (26, 132). Эти строки пришлись по душе «охранителям», обратившим на них особое внимание.¹⁹ Но читателю-демократу, одновременно знакомившемуся с главами «Карамазовых», трудно было поверить в духовное единство Трифона Борисовича и обираемых им мужиков. Это не редкий для Достоевского пример, когда его идейная и религиозно-этическая концепция оказывает прямое воздействие на его же собственные наблюдения и выводы, вытесняя из них реальную жизненную правду. Подобное же воздействие предвзятых идеологических построений по-своему испытывали и народники, подчинявшие им собственные деревенские впечатления и отказывавшиеся принять за правду те реальные черты крестьянской жизни, которые в эти построения не укладывались.

Резкая критика «Деревенского дневника» Г. Успенского, печатавшегося в 1877—1878 гг. в «Отечественных записках», такими разными представителями народничества, как редактор «Недели» П. А. Гайдебуров, революционер-земледелец Г. В. Плеханов, публицист И. И. Каблиц (Юзов), в особенности за ярко показанную рознь внутри крестьянского мира — свидетельствует о сложном взаимодействии идеологии с объективной действительностью.²⁰

Однако, уповая на то, что «Бог спасет Россию», на наличие в народе «высшей идеи», при которой «все может перегореть и исправиться к лучшему» (30₁, 41), сам писатель не склонен был особо успокаиваться, обнаруживая «болезненно-тревожное внимание» к «разрушенному землевладению» (так определил он последствия капиталистического прогресса для класса основных производителей) (27, 10). Восприятие этого прогресса близко народниче-

¹⁹ С. В. О «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского // Рус. вестн. 1880. № 9. С. 391—392.

²⁰ См. подробнее: Козьмин Б. П. Литературная борьба вокруг Успенского // Козьмин Б. П. Литература и история. М., 1969. С. 444—468.

скому. Достоевский чужд восторгам либеральной печати по поводу увеличения числа фабрик и заводов, сети железных дорог, далек от упоения «экономическим преуспеянием» в печати славянофильской. Подобно представителям демократической мысли, он озабочен прежде всего последствиями этого прогресса для миллионов крестьянских масс. И здесь он так же, как и они, оценивает плоды цивилизации резко отрицательно.

Внимательный наблюдатель русской и европейской жизни, он потрясен самими темпами наступления капитализма на Россию и его успехами. «Европа, — по его словам, — чуть не полвека покрывалась своей сетью железных дорог, да еще при своем-то богатстве. А у нас последние пятнадцать-шестнадцать тысяч верст железных дорог в десять лет выстроились, да еще при нашей-то нищете и в такое потрясенное экономически время, сейчас после уничтожения крепостного права!» (27, 10).

И эти невиданные темпы продвижения капитализма, и острота привнесенных им противоречий вызывают в воображении писателя знакомый литературный образ. Россия, увлеченная разрушительной стихией буржуазного развития, предстает в последнем романе (в речи прокурора на суде над Митей Карамазовым) безудержно несущейся вперед, в неведомую даль птицей-тройкой. «Роковая тройка наша несется стремглав и, может, к гибели. И давно уже в целой России простирают руки и взывают остановить бешеную, беспардонную скачку» (15, 150).

Нельзя не согласиться с выводом исследователя, что «основное зерно социально-исторического мировоззрения Достоевского — его критическое отношение к буржуазным порядкам и в то же время признание их „упадком“, „регрессом“». ²¹ Но из этого следует, что позиция писателя близка в этом вопросе точке зрения крестьянина, мелкого производителя.

Антибуржуазный характер взглядов писателя, его неприятие капитализма, враждебность «европейским порядкам» обходят молчанием большинство зарубежных исследователей, столь склонных подчеркивать антисоциалистический характер идей Достоевского. Однако при всем отрицании писателем современного ему утопического социализма альтернативой ему он никогда не выдвигал капитализм.

Восприятие Достоевским капиталистического настоящего и будущего России столь близко к крестьянской демократии, что может быть выражено выдержками из народнической журналистики. «Мы считаем буржуазное направление, принятое нашим обществом за последние годы, вредным и опасным для народной нравственности и благосостояния», — эти строки из программной статьи «Отечественных записок», ²² которую В. И. Ленин назвал народническим «professions de foi», ²³ совпадают с тем, как оценивал «буржуазное направление» и Достоевский. Во многом созвучно ему безоговороч-

²¹ Фридлиндер Г. М. Реализм Достоевского. С. 19.

²² [Кривенко С. Н.] Новые всходы на народной ниве. С. 149.

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 353.

ное отрицание капиталистического прогресса в революционной печати, с предельной резкостью и обнаженностью обличавшей это водворение в стране «хищничества, возведенного в принцип», его «сословную нравственность», дикость и варварство враждебных народу «европейских порядков».²⁴

В народнической прессе развитие капитализма осознавалось как определенный итог политики самодержавия, в котором крестьянская демократия видела главный оплот буржуазии, ее верного союзника. Капитализм рассматривался здесь как искусственное насаждение «сверху» — результат покровительственной политики, правительственной опеки с ее субсидиями и тарифом. Взаимная необходимость самодержавия и буржуазии упорно подчеркивалась в демократической публицистике, которая, казалось, не хотела замечать реальных противоречий между ними. Эту проблему взаимоотношений самодержавия и буржуазии, столь занимавшую народническую мысль, Достоевский обходит. Под его пером капиталистическое наступление выглядит некоей стихией, политикой не предусмотренной, от нее не зависимой.

Если в легальной журналистике народничество апеллировало к правительству, убеждая его изменить политический курс, поддержать крестьянское хозяйство, то революционеры думали свернуть с капиталистического пути с помощью революционного переворота, который «подсечет в корне» растущую буржуазию и создаст благоприятные условия для общинного строя — основы нового социалистического общества.

Писатель по-своему разделял веру в возможность миновать капитализм, потому что, подобно представителям крестьянской демократии, всеми силами души отвергал этот ненавистный ему строй.

* * *

Казалось, на рубеже 70—80-х гг. Достоевский признавал присутствие в русской жизни новых буржуазных отношений. Ведь для него уже не подлежало сомнению могущество банков, железнодорожных дельцов, промышленных предпринимателей, которые, по его же словам, «владеют экономическими силами нашими» (27, 10). Да и в народной среде различал он «европейское пролетарство» и буржуазию.

Исходя из этого, вопрос об «особливости» развития России должен был для него если не отпасть, то подвергнуться серьезному пересмотру. Но никогда с такой силой, безоговорочностью и верой не была выражена писателем идея особого пути России, как в эти последние годы его жизни.

В обстановке, когда все, казалось, убеждало в скорейших радикальных общественных переменах — «сверху» или «снизу», вопрос о перспективах развития страны, о судьбах в ней капитализма стоял

²⁴ Литература партии «Народная воля». С. 23.

особенно остро, занимая самое значительное место в литературе и журналистике. Такое же место занял он и в творчестве Достоевского — в его последнем романе, последних выпусках «Дневника писателя», последнем наиболее крупном общественном выступлении — речи на Пушкинском празднике. С особой яркостью и категоричностью писатель выразил давнее убеждение, что Россия пойдет путем, отличным от Европы, найдет собственный жизненный исход, скажет свое слово европейским народам. Речь шла не об изоляции России от европейского развития. Утверждая ее «всемирную судьбу», Достоевский говорил о самом тесном взаимодействии историко-культурных традиций русского и европейских народов. И если опыт Запада, используемый русской общественной мыслью, должен был предостеречь его Родину от повторения ошибок и просчетов европейского пути, то и русский опыт — верил писатель — внесет свой особый вклад в мировое развитие, послужит ему. Однако при этом он резко противопоставлял — в настоящем, прошлом и будущем — русский и европейский типы общественного развития. Предсказывая — «в нынешнем еще столетии» — социально-политические потрясения в Европе — «огромную окончательную разделочную политическую войну», полный ее крах, когда под натиском пролетариев «все старое рухнет навеки», Достоевский уверенно заявлял, что волны этого потрясения «разобьются лишь о наш берег» и «тогда только, въявь и воочию, обнаружится перед всеми, до какой степени наш национальный организм особлив от европейского» (23, 168).

Обоснование «русского пути» оставалось у Достоевского по-прежнему столь же неопределенным, сколь эмоциональным, более поэтическим, нежели аргументированным. Как и ранее — в 1870-е гг., он ссылаясь на особый характер русского народа, в котором видел главного двигателя самобытного развития. «Народ наш носит в себе органический зачаток идеи, от всего света особливой. Идея же эта включает в себе такую великую у нас силу, что, конечно, повлияет на всю дальнейшую историю нашу, а так как она совсем особливая и как ни у кого, то и история наша *не может быть похожею на историю других европейских народов*, тем более ее рабской копией» (27, 22).

Писатель исходил здесь из своего старого признания «народной правды», в понятие которой включал и в высшей мере свойственную русскому человеку «всемирную отзывчивость», и присущую, по его убеждению, народу идею Христа, по мысли Достоевского, определявшую народную нравственность.

Проповедь особой судьбы России, ее исторической миссии, в которой современники не без основания усматривали нечто мессианское и даже мистическое, вызвала жгучую полемику, поскольку соприкасалась с узловыми проблемами развития страны.

Вера во всемирный удел России, в ее высокое предназначение, по-видимому, мало волновала либералов, но им претили высказанное в речи противопоставление России Европе, уверенность Достоевского, что она пойдет своим путем, не только не повторив запад-

ного, но и скажет новое слово в развитии человечества. Наиболее остро и обстоятельно отвечавший писателю А. Д. Градовский сосредоточился (в «Голосе») как раз на этих «антизападнических» мыслях. Он доказывал, что стране, стоящей на неизмеримо более низкой, чем Европа, ступени развития, вряд ли может быть уготована столь великая роль. Либеральный профессор обращал внимание, что Россия еще не решила вопросов, «с которыми Запад давно справился».²⁵ «Голосу» вторил «Вестник Европы»,²⁶ а «Молва» призвала не отставать от Запада, «идти на одном уровне с другими по пути общечеловеческого развития и самосовершенствования».²⁷ Представлениям писателя о великом всемирном будущем России противопоставлялись задачи умеренного буржуазного прогресса — «европеизации». В полемике либералов с Достоевским сказались не только классовые и политические разногласия, но и различия в самой природе мышления — художественного и узкопрактического.

Достоевский верно обобщил суть либеральных возражений против русской самобытности, подчеркнув их сходство с утверждениями буржуазных идеологов на Западе, «Вот вся наша западническая партия говорит то же самое, что и Гамбетта: не миновать, дескать, общего пути, ибо все народы... одинаковы. Ну разве не то говорит г-н Кавелин?» (27, 63). Решительно отвергавший западный вариант развития, Достоевский настаивал, что неверие в особливость «может кончиться даже бедой» (27, 22).

В демократической печати идея особой судьбы России, отличной от европейских стран, встречала сочувствие. Вера в ее самобытное развитие, стремление избежать капитализм были изначально присущи народнической идеологии, и потому мысль об «особливости русского национального организма», о его отличном от Европы развитии здесь сомнениям не подвергалась. Представителей крестьянской демократии скорее не устраивало то обоснование, которое давал этой «особливости» писатель. В демократической публицистике его находили неопределенным и запутанным, отмечая, что «проблески истины» затемнены у Достоевского мистицизмом и порой являются в фантастическом виде. Журнал «Дело» с этой точки зрения вспоминал другого «великого писателя», который ту же идею выражал ясно и определенно, без всякого тумана и мистики. Не видевший, как и Достоевский, в Европе ничего хорошего в близком будущем, этот «великий писатель» усматривал преимущества русского народа перед усталыми и сложившимися народами в устройстве его сельского быта, в шатких и неустоявшихся юридических понятиях, в смутном праве собственности. (Речь, несомненно, шла о А. И. Герцене, имя которого из-за цензурных препятствий не могло быть упомянуто.) Народнический публицист, таким образом, добивался от писателя привычного и понятного объяснения столь

²⁵ Градовский А. Д. Мечты и действительность: (По поводу речи Ф. М. Достоевского) // Голос. 1880. 25 июня, № 174.

²⁶ Вестн. Европы. 1880. № 7.

²⁷ Молва. 1880. 10 июня, № 168.

родственной идеи некапиталистического развития.²⁸ «Твердых выводов» и «неколеблющейся мысли» — разумеется, в духе народнической же идеологии — требовал и давний оппонент Достоевского Н. К. Михайловский. Идеолог народничества близко подходил к Достоевскому в оценке социальных перспектив буржуазного прогресса. «Мы не можем призывать к себе буржуазию не то чтобы с энтузиазмом, а даже просто без угрызений совести, ибо знаем, что торжество ее равносильно систематическому отобранию у народа его хозяйственной самостоятельности», — выразил настроение демократической интеллигенции властитель ее дум.²⁹ Соглашаясь — в отличие от либералов — с Достоевским, что Европа раздирается внутренними противоречиями и находится накануне социальных потрясений, Михайловский давал понять, что и Россия переживает сходные процессы и ей грозят не меньшие потрясения. Народническая мысль уже зафиксировала первые итоги капиталистического прогресса — начало этого торжества буржуазии и падения хозяйственной самостоятельности крестьянства. Михайловский по сути оспаривает известное положение славянофильской доктрины (подчеркивая близость к ней Достоевского), что Россия «непричастна ни европейскому добру, ни европейскому злу».³⁰

Соглашаясь, что в Европе может произойти в близком будущем «огромный переворот», он высмеивал уверенность писателя, будто «погром этот разобьется о наш берег и обнаружит только особливость нашего организма». «Совсем напротив. . . — замечает Михайловский, — он обнаружит, до какой степени наш национальный организм сроднился уже, слился с европейским».³¹

Крестьянская демократия, веря в особый (некапиталистический) путь России, считала, что он — под угрозой и только радикальное изменение правительственной политики (на что уповало легальное народничество) или же вмешательство революционных сил в социально-экономический процесс (к чему стремилось народничество революционное) должны поддержать это самобытное развитие, обеспечить его. Уверенность Достоевского в предрешенности «особливого» развития столь же не могла удовлетворить демократическую мысль, сколько оказалась неприемлемой и для либеральной идеологии, ориентировавшейся на европейские, буржуазные образцы.

Но в целом, как уже говорилось, сама идея особого пути России, ее великой всемирной судьбы была близка народничеству, и его представители видели «зерно истины» в «гордом пророчестве» великого писателя. Проповедь Достоевского, как объяснял журнал «Слово», «хочет снять муки разлада между лучшими идеалами

²⁸ О. П. Пушкинский юбилей и речь г-на Достоевского // Дело. 1880. № 7. С. 119.

²⁹ Н. М. [Михайловский Н. К.] Записки современника // Отеч. зап. 1881. № 12. С. 205.

³⁰ См.: Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб., 1871. С. 61.

³¹ Н. М. [Михайловский Н. К.] Литературные заметки // Отеч. зап. 1880. № 9. С. 130—131.

Европы и нашей жизнью».³² В идее «особливости» России, ее грядущей всемирной судьбы трезвый анализ русской и европейской действительности неразрывно слит — как это свойственно Достоевскому — с мечтой, работа мысли неотделима от воображения. В своеобразном религиозно-мистическом облачении отразилось предчувствие творившего на историческом переломе писателя, что России в ближайшем будущем предстоит решать задачи, Европе еще неизвестные, воплотилось интуитивное ощущение их грандиозности и значимости для всего человечества.

* * *

В литературоведении довольно прочно утвердилось мнение, что творчество Достоевского не было связано с положением крестьянских масс, их борьбой за землю, что «своеобразие его социальной и идейной позиции» как раз и состоит в том, что он «прошел мимо главного вопроса надвигавшейся революции — вековой тяжбы крестьянина и помещика из-за земли».³³ Большинство исследователей не опровергало этого убеждения уже тем, что почти не касалось отношения «автора петербургских романов» к пореформенной деревне.

Но даже если бы Достоевский ничего не написал о деревне, кроме тех страниц, которые посвятил ей в «Братьях Карамазовых», — то и тогда можно было бы утверждать, что крестьянская тема для него не чужая — по-своему выстрадавшая, выношенная.³⁴

В последний роман Достоевского деревня входит в самом его начале — вместе с «верующими бабами», пришедшими в монастырь к старцу Зосиме обрести поддержку в своей многотрудной жизни. И лица их, на которых автор отметил следы постоянного труда, недоедания, недосыпания, и то, с чем каждая из них пришла к Зосиме, по-своему красноречиво говорят о семейном и хозяйственном быте деревни. Скупое и строго — без внешних эмоций отмечает писатель то, что составляет содержание повседневной жизни этих женщин, — «безысходное горе», побои, которые они терпят от мужей, «изнурительные работы слишком скоро после родов, тяжелых, без медицинской помощи». Внимательный читатель этих страниц романа мог сделать выводы о положении русской крестьянки не менее определенные, чем на основании социально-экономического очерка.

Во весь рост встает деревня во сне Мити Карамазова. В самый кульминационный момент действия — во время начавшегося следствия по обвинению в отцеубийстве — измученный допросом Митя

³² *Цебрикова М. К.* Двойственное творчество // Слово. 1881. № 2. С. 23.

³³ *Пруцков Н. И.* Русская литература XIX в. и революционная Россия. М., 1979. С. 63.

³⁴ Прав был Л. П. Гроссман, заметив, что в образе Мити Карамазова Достоевский выражает свою «исконную тягу к русской деревне», хотя на этой теме творчества писателя исследователь и не остановился сколько-нибудь подробно (*Гроссман Л. П.* Достоевский. М., 1965. С. 564).

видит сон, который оказывается столь же важным для развития сюжета и раскрытия идейного замысла романа, сколь и простым в своей реальности. Снится ему голодная погорелая деревня, мимо которой везет его на телеге мужик к месту его старой службы. Выстроились вдоль степной дороги бабы с темными от работы и горя лицами, и среди них выделяется — худобой, ростом, чернотой лица — крестьянка с плачущим ребенком на руках: «... плачет дитя и ручки протягивает, голенькие, с кулачонками, от холоду совсем какие-то сизые». «Бедные, погорелые, хлебушка нетути, на погорелое место просят», — объясняет ямщик (14, 456).

Отразившие незабываемые для писателя впечатления от самарского голода 1873 г., эти страницы романа воплотили и его предчувствия надвигающихся социальных бедствий. Достоевский остро ощущал резкое ухудшение положения масс, связанное с войной 1877—1878 гг.

Все в этой картине голодной погорелой деревни было узнаваемо современным читателем — если не по непосредственным жизненным впечатлениям, то по сведениям из текущей журналистики, в которой сообщения о голодающих крестьянах, вышедших просить милостыни, были не редкими.³⁵ Картина из Митинога сна и запечатлевалась в сознании современника как некая документальная фотография — иллюстрация к очередному газетному сообщению. Сходство с фотографией усиливалось гаммой красок, используемых писателем: черные избы с торчащими обгорелыми бревнами на фоне падающего крупными хлопьями мокрого снега, коричневые (в подготовительных набросках — черные) лица баб, серый зипун мужика, везущего Митю, сизые от холода ручки плачущего «дитя».

Узнаваемым и понятным для читателя-разночинца было и воздействие сна на Митю. Душевный переворот, который вызвал тот сон, не казался ни искусственным, ни натянутым. То, что человек, раздавленный несправедливыми подозрениями, обреченный несомненностью улик на незаслуженное наказание, при столкновении с народным горем постигал всю несопоставимость с ним собственной беды — все это было понятно и близко в среде разночинской интеллигенции, многих представителей которой именно народные страдания заставили иначе взглянуть на свою жизнь, перевернуть ее. Понятным и близким было в этой среде и возникшее в Мите стремление сделать что-то такое, «чтобы не плакало дитё», не плакала черная иссохшая мать «дитя».

Демократический журнал увидел смысл душевного переворота Мити в «бессознательном пробуждении общественных чувств в че-

³⁵ 9-я книга романа, включавшая сон Мити, писалась поздней осенью 1879 г., когда газеты сообщали о случаях голода в Вятской, Казанской, а также некоторых губерниях Поволжья. Число пожаров, от которых страдала русская деревня с ее деревянными постройками, соломенными крышами, неуклонно возрастало, резко увеличившись в пятилетие 1878—1882 гг. (см.: Россия в революционной ситуации на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1983. С. 42—43).

ловеке».³⁶ Симптоматично, что сама логика развития этого характера никогда не ставилась под сомнение в демократической журналистике, в отличие от критики «охранительной» и либеральной, где она осталась непонятой.³⁷

Книга 9-я романа, включавшая сон Мити, опубликована в «Русском вестнике» в самом начале грозного для самодержавия 1880-го г., в разгар ожесточенных споров в печати вокруг крестьянского вопроса. «Деревенскими» страницами романа Достоевский занял вполне определенную позицию в этих спорах. Пореформенная деревня, им изображенная, с ее безысходным горем, слезами матерей и голодными детьми была красноречивым обвинением существующему строю. Плач крестьянского «дитё» с его сизыми от холода и голода кулачками не менее ярко, чем статистические выкладки, говорил об остром социальном неблагополучии. Вопросы, так внезапно вставшие перед Митей, до того момента не задумывавшимся о положении народа: «почему бедны люди, почему дите бедно, почему плачут матери, почему они почернели так от черной беды?» — эти вопросы передовая разночинская интеллигенция решала в течение пореформенных десятилетий, усматривая главную причину нищеты деревни в малоземелье крестьян.

С развитием революционной ситуации, с резким ухудшением положения масс страницы о деревне в романе Достоевского приобрели особое звучание. Осенью 1880 г. разразился голод в Поволжье, и сон Мити обернулся вещим.

Картина голодной степной деревни, созданная великим художником, выростала до символа народного бедствия. И если она — как некая грандиозная фреска, запечатлевшая страдания народа, — могла служить своеобразной иллюстрацией к сообщениям печати

³⁶ Ф. Б—ъ [Ткачев П. Н.] Новые типы «забитых людей» // Дело. 1881. № 4. С. 22. Журнал «Русское богатство», отмечая особую удачу образа Мити в романе («сама правда»), подчеркивал именно его типичность. «Митя не герой, не исключительный человек, а самый обыкновенный» — «таких тысячи». В этом усматривалось «огромное значение» истории Мити Карамазова. И далее: «В Мите Карамазове мы видим среднего русского человека, такого, каких тысячи встречаем мы вокруг» (Алексеев Л. О «Братьях Карамазовых» // Рус. богатство. 1881. № 12. С. 1—2, 22).

³⁷ В «Русском вестнике» Дмитрий Карамазов оценивался как «патологический характер» (Чиж В. Ф. Достоевский как психопатолог // Рус. вестн. 1884. № 6. С. 854. Отд. изд. — М., 1885); «Русь» в статье Н. Зверева, давая высокую оценку роману, рассматривала образ Дмитрия как нечто выходящее за рамки общего его художественного уровня: «Весь Дмитрий мимолен и случаен» (Русь. 1884. № 1. С. 54). Либеральная критика (Л. Е. Оболенский, В. Ф. Корш, Евг. Марков, С. А. Андреевский) в большинстве своем не проникла в сердцевину этого образа, зачастую воспринимая душевный переворот Мити как результат личного крушения под влиянием судебной ошибки. Подобная же концепция образа Мити встречается и в зарубежном достоевсковедении. Например, по мнению К. Мочульского, Митя «очищается сердцем и совестью под грозой несчастья и ложных обвинений», «после духовного потрясения и страдания», связанных с обвинением в отцеубийстве. Сон Мити рассматривается здесь как последствие его духовного очищения, а не толчок к нему (Мочульский К. Достоевский: Жизнь и творчество. Париж, 1982. С. 487—488).

о голоде миллионов крестьянских масс, то и сами эти сообщения становятся необходимым комментарием к страницам последнего романа Достоевского. Документальные свидетельства о голоде в Поволжье, с особой правдивостью сделанные в нелегальной печати, рассказывающие о том, как в «голодных губерниях оборванные, голодные мужики и бабы и дети толпами ходят по дорогам и просят у проезжих милостыню»,³⁸ помогают воссоздать восприятие «деревенских» страниц романа его современниками.

Деревня Достоевского удивительно вписывается в демократическую журналистику, кажется выхваченной с ее страниц. В то же время ее появление в «Русском вестнике» должно было восприниматься как нечто противоестественное. Редактор-издатель журнала М. Н. Катков наиболее последовательно из «охранителей» отрицал существование в стране аграрного вопроса как «надуманного», «книжного» и, называя его результатом досужих толков «известной части нашей печати», утверждал, что на самом деле он «раз и навсегда решен Положением 19 февраля 1861 г.»³⁹ Реалистическое изображение пореформенной деревни всегда вызывало особую ненависть катковских изданий. К «сомнительной» литературе, чернящей действительность, здесь относили лучшие произведения критического реализма о деревне — Н. А. Некрасова, Г. И. Успенского, Ф. М. Решетникова.⁴⁰

В то время как вся неофициальная печать с тревогой обсуждала голод Поволжья, газета Каткова невозмутимо писала о «преувеличении жалоб на неурожай», цинично заявляя, что в голодающих местностях «нет основного признака голода — сокращения потребления водки».⁴¹ В той самой февральской книжке «Русского вестника», где напечатан и сон Мити (гл. VIII. Показание свидетелей. Дитё), дается резкая отповедь подобным «преувеличениям» деревенского неустройства, под которыми в «охранительной» публицистике понималась всякая попытка серьезного разговора о нуждах деревни. Журнал Каткова утверждал, что «красноречивые описания бедственного положения крестьян», в которых нет недостатка в печати, «если не вполне неверны, то по крайней мере очень преувеличены». Считая их вредными, поскольку они создают впечатление «поголовного расстройтва крестьянского быта», «Русский вестник» настаивал на том, что благосостояние деревни как раз

³⁸ Рассказывая о голоде 1880 г. в Саратовской, Самарской и Екатеринославской губерниях, народофильская «Рабочая газета» особое внимание уделила небывалой детской смертности (Литература партии «Народная воля». С. 287). Сообщая, что в Самарской губернии «дети остаются по три и по пяти дней без крошки хлеба во рту», газета выделила эти строки разрядкой (Там же. С. 295). В «Народной воле» в одном ряду с голодающими губерниями Поволжья назван и Старорусский уезд Новгородской губернии. Старорусское земство, как сообщалось здесь, роздало крестьянам по 3—4 р. на душу — на нужды продовольствия и для посевов тогда, когда время посевов уже миновало (Там же. С. 95).

³⁹ Моск. ведомости. 1880. 5 сент., № 246. Передовая.

⁴⁰ А. [Авсеенко В. Г.] Нужна ли нам литература? // Рус. вестн. 1873. № 5.

⁴¹ Моск. ведомости. 1880. № 80, 164, 169, 178, 290.

растет, и это заметно хотя бы по увеличению доли крестьянской собственности на землю.⁴²

Зарисовка деревни в «Братьях Карамазовых» так же мало сочетается с подобными установками изданий Каткова, как проповедь Зосимы о любви и всепрощении с требованиями редактора покончить с крамолой железом и кровью. Парадокс появления «деревенских» страниц романа Достоевского в «Русском вестнике» в значительной мере связан с расстановкой общественных сил в период революционного кризиса, с определенной изоляцией изданий Каткова, с острой заинтересованностью их в таком соотруднике, как Достоевский. Но со страниц «охранительной» прессы великий писатель спорил с «охранителями», признав в противовес им положение в деревне ненормальным, нетерпимым, сходясь в этом с теми, кого считал своими идейными противниками.

* * *

Для Достоевского пореформенное двадцатилетие — период великих перемен и сдвигов, когда бытие страны оставалось неустоявшимся, неопределившимся. Он по-своему выразил мысль Толстого, не раз повторенную Лениным, что в России после крепостного права «все... переверотилось и только укладывается»,⁴³ назвав время после реформы «экономически потрясенным». Более всего «потрясенным», выбитым из колеи оказался, по мысли Достоевского, основной класс производителей-земледельцев. Подобная точка зрения на пореформенное развитие характерна для демократической литературы. Не только «охранительная» журналистика, принимавшая особо близко к сердцу интересы старого господствующего класса, но и либеральная печать доказывали, что и помещики и крестьяне после реформы оказались в одинаково трудных, непривычных условиях. Пореформенные годы либеральный публицист А. Д. Градовский рассматривает, подобно писателю, как время «потрясения», но потрясения «всеобщего», равно коснувшегося всех классов. «Не станем говорить, чье положение хуже», — с видимой объективностью заявлял он.⁴⁴ Именно на этот вопрос: «кому хуже?», кому всего невыносимее в новых условиях, отвечает Достоевский: «Рухнуло крепостное право, мешавшее всему, даже правильному развитию земледелия, — и вот тут-то бы, кажется бы, и зацвести мужику, тут-то бы, кажется, и разбогатеть ему. Ничуть не бывало: в земледелии мужик съехал прямо на минимум того, что может ему дать земля» (27, 9). Это положение из последнего «Дневника писателя» еще резче выражено в подготовительных к нему записях, где говорится, что «крестьянин... и не может (не

⁴² Головин К. Ф. Подушная подать и обеднение крестьян: По поводу преобразования нашей податной системы // Рус. вестн. 1880. № 2. С. 615.

⁴³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 100.

⁴⁴ Градовский А. Д. Социализм на западе Европы и в России // Рус. речь. 1879. № 2. С. 150.

видно по крайней мере в будущем), чтоб он возвысился над *minimum*-мом, который дает ему земля» (27, 53). Бедственное положение деревни объясняется здесь характером реформы, подготовляющей неизбежное недовольство масс: «Недоделанная крестьянская реформа. Войдут в отчаяние, подымут вопрос о наделах», — заносит Достоевский в записную книжку размышления, показывающие, что он связывал деревенское неустройство с малоземельем (27, 48).

Последний выпуск его журнала (1881 г.) раскрывает и это истинное отчаянное положение народа, и то, что вопрос о наделах уже поднят крестьянством, не желающим считать пореформенный порядок справедливым и окончательным. «Нравственное беспокойство» в народе, непрерывное искание им правды отождествляется писателем с потребностью порядка нового (27, 49) — «полного гражданского воскресения своего в новую жизнь после великого освобождения его» (27, 16). Симптомом этих мужицких стремлений служат слухи о переделе. Для Достоевского они не результат злонамеренной деятельности «внушителей», как трактовала их официальная печать. Способность внимать этим слухам, верить им, несмотря на правительственные опровержения, — красноречивое свидетельство отношения народа к земельному вопросу. Возбуждение в деревне, по наблюдению писателя, таково, что «если нигилистическая пропаганда не нашла до сих пор путей «в народ», то единственно по неумелости, глупости и неподготовленности пропагаторов, не умевших даже и подойти к народу» (27, 17). А ведь ранее (вспомним «Дневник писателя» 1870-х гг.) Достоевский объяснял неуспех революционной агитации как раз состоянием народного духа.

Характерна предельная конкретность рассказа писателя о настроении крестьянства, оснащенного примерами, выдержками из прямой мужицкой речи, теми живыми штрихами и черточками, которые могли явиться только результатом непосредственного соприкосновения с народом.

Еще за скупыми, но удивительно емкими зарисовками деревни в «Братьях Карамазовых» чувствуется немалое знание крестьянской жизни. При всей серьезности изучения литературы о деревне (о котором свидетельствуют и библиотека писателя и его рабочие тетради)⁴⁵ знакомство с ней не было для него только книжным. Несомненно, что основой «деревенской» страницы последнего его журнала явились личные впечатления писателя — да он и прямо ссылается на них. Так, например, убежденный, что опровержение слухов о переделе (чтение по церквам соответствующего циркуляра

⁴⁵ Отметим в библиотеке писателя книгу Ю. Э. Янсона (Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб., 1877), в которой на материалах 12 губерний доказана недостаточность крестьянского надела для прожиточного минимума средней крестьянской семьи. Выводы из работы Янсона широко использовала демократическая печать. В записных тетрадях Достоевского разбросаны выписки о положении деревни. Так, осенью 1880 г. он делает записи из «Нового времени» и «России» о тяжести поборов с крестьян (27, 48).

министра внутренних дел) еще более способствовало их распространению, Достоевский передает доводы, явно им самим у крестьян услышанные: «... даром бы читать не стали, а коли уж зачали читать, значит будет». Так, по его сведениям, заговорили мужики «по крайней мере по местам». Покупавшие у помещика землю — отступились: «„И без денег возьмем“. Посмеиваются и ждут» (27, 17).

В Старой Руссе писатель мог наблюдать крестьянскую жизнь как бы «изнутри». Ведь и в Скотопригоньевске местные мещане «те же крестьяне, даже папуг».⁴⁶

Судя по официальным донесениям, настроение крестьян в Новгородской губернии и ее Старорусском уезде было таким же, как и везде, находя выражение в расползавшихся повсеместно слухах о предстоящем переделе земли.⁴⁷ И здесь крестьянское недовольство выражалось в таких традиционных формах протеста, как порубки (случались и коллективные), потравы, а также в сопротивлении полиции при продаже имущества за недоимки.⁴⁸

Сжатый очерк положения крестьянства, его дум и чаяний, данный в последнем выпуске журнала Достоевского, необычен для русской печати, в которой эти темы были трудно проходимыми. Особо близкие демократической журналистике, проявлявшей в них кровную заинтересованность, они именно здесь находились под особым контролем властей. Среди фактических цензурных ограничений, с которыми приходилось сталкиваться на каждом шагу, «Отечественные записки» называют такие темы, как «о бедности мужика, о голодовании народа».⁴⁹ И уж совсем изъятой из печати оказалась тема, «что мужик о земле думает». Статья А. Н. Энгельгардта под таким названием была снята редакцией под угрозой ареста очередного номера «Отечественных записок».⁵⁰ Страницы «Дневника писателя» о мужицком житье, о «нравственном беспокойстве народа», о его думах и толках про землю в легальной журналистике — единственные в своем роде даже для этого периода наибольших цензурных «послаблений». Их можно сравнить, пожалуй, лишь с изложением этих сюжетов в печати бесцензурной. Любопытно, что и сами

⁴⁶ Среди 13 тыс. жителей Старой Руссы свыше 7500 было приписано к крестьянскому сословию, см.: *Полянский*. С. 84—85 (1-я паг.). Представляется спорным утверждение, что «эмпирический крестьянин почти не интересуется Достоевского», что «деревенский мир входит в наследие Достоевского не в качестве конкретного социально-исторического, экономического и бытового уклада (как, положим, у Толстого, Успенского или беллетристов народного направления), а как начало духовное, имеющее высший философско-нравственный, религиозно-общественный смысл» (*Пруцков Н. И.* Русская литература XIX в. и революционная Россия. С. 69).

⁴⁷ О распространении ложных слухов в Новгородской губ. // ЦГИА, ф. 2073, Канц. врем. СПб. ген.-губ., оп. 6, 1879, д. 23, л. 1 и след.

⁴⁸ Крестьянское движение в России в 1870—1880 гг. М., 1968. С. 320—321, 343, 387.

⁴⁹ [Елисеев Г. З.] Внутреннее обозрение // *Отеч. зап.* 1880. № 10. С. 262.

⁵⁰ Письмо М. Е. Салтыкова-Щедрина А. Н. Энгельгардту 16 янв. 1880 г. // *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: В 20-ти т. М., 1976. Т. 19, кв. 1. С. 128—129.

наблюдения Достоевского во многом совпадают с выводами народнической мысли. Отмечая в близких его журналу выражениях «страстное искание народом того или другого выхода из современного невыносимо-тяжелого положения», газета «Черный передел» говорит об усилении слухов в пользу передела именно после попытки пресечь их циркуляром министра внутренних дел Макова. «Так и перед волей не единожды читали и объявляли, а все-таки воля вышла», — приводят революционеры те же самые мужицкие доводы, что и писатель. И отмечают, как и он, что под влиянием слухов крестьяне воздерживаются от покупки земли.⁵¹

Вряд ли стоит относить появление запретной темы в «Дневнике писателя» за счет либерализма цензора, каким был в данном случае сам начальник Главного управления по делам печати Н. С. Абаза. Думается, что в примечаниях к 30-томному собранию сочинений Достоевского данному представителю либеральной бюрократии отводится в этом смысле несколько преувеличенное место (27, 273). Будь он и в несколько раз либеральнее, вряд ли он смог бы пропустить подобные страницы в иной обстановке, чем та, которая сложилась за два месяца до взрыва 1 марта 1881 г. Заинтересованность «верхов» в этой накаленной атмосфере в выступлении Достоевского была столь велика, что целесообразным казалось разрешить ему и нежелательные с точки зрения властей страницы — их появление компенсировалось иными положениями «Дневника», особо важными для самодержавия в этой предгрозовой обстановке, в частности утверждением единства царя и народа. Во всяком случае, волнение Достоевского за свое последнее детище имело под собой почву. Настроение деревни, ее положение обрисованы здесь вразрез с установками официальной печати, в духе, близком демократической журналистике.

* * *

Соотношение земли помещичьей и крестьянской мучительно занимало писателя, видевшего крестьянское малоземелье. Раздумья о дворянском землевладении, о судьбах помещичьего сословия отразились и в публицистике, и в художественном творчестве последних лет. В романе «Братья Карамазовы» наряду с представителями других классов русского общества действуют и дворяне, помещики разных положений и состояний. В центре повествования — распад дворянской семьи, члены которой занимают разное общественное положение, имеют разные доходы, по-разному ими пользуясь. Федор Павлович Карамазов — помещик, живущий в уездном городе, сам хозяйством в имении не занимается, — он делец. Спекуляции и доходы от кабаков умножили его состояние, поначалу мелкое, до 100 тыс. Это тип помещика, отлично уживающегося в новом буржуазном обществе и умело к нему приспособляющегося. Его сын Дмитрий, напротив, пытается жить по-старому — как жили дворяне

⁵¹ Черный передел. 1880. 15 янв. // Памятники агитационной литературы: Черный передел. М.; Пг., 1923. С. 108—109.

в дореформенное время: ничего не наживая, прокучивает состояние, выделенное ему отцом, требуя недоданной ему, по его расчетам, доли. Он из тех прожигателей жизни, каких во множестве порождало паразитическое сословие и в новых пореформенных условиях. Разные социальные тенденции — накопительство, стяжательство и расточительство, сталкиваясь в одной семье, вызревают в острый конфликт, разрушают ее и без того подточенные устои, превращают людей из кровных родственников во врагов. В романе — как бы на втором его плане — проходят и другие представители этого сословия: помещик без поместья Максимов — из тех, что в пореформенных условиях разорился, опустился и превратился в приживальщика состоятельных соседей; либеральный помещик Миусов, ведущий земельную тяжбу с монастырем, усматривая в этом свою особую прогрессивность. Эти пестрые неоднозначные образы представителей старого класса убеждают, что Достоевский ощущал сложность процессов, происходящих в землевладельческом дворянстве, не сводя их к оскудению и разорению, усматривал и определенную живучесть этого класса, приспособляемость части его к буржуазным порядкам.⁵²

Понимая, что «прежнее барское землевладение упало и понизилось до жалкого уровня, а вместе с тем, видимо, началось перерождение всего бывшего владельческого сословия» (27, 9), Достоевский видел разные пути этого перерождения. Вопрос о частном, помещичьем землевладении оставался для него неразрешенным: «...уживется ли оно впредь рядом с мужичьим, с определенной рабочей силой, но здоровой и твердой, а не на пролетариате и кабаке основанной?», — вопрошал он, убежденный, что «без здорового разрешения такого вопроса что же здравого выйdet».⁵³

Понимая, что помещичье землевладение держится разорением крестьянских хозяйств («кабаком и пролетариатом»), Достоевский считал это ненормальным и думал, хотя и не без сомнения, о возможности каких-то иных отношений земледельцев и землевладельцев. Но реформа предусматривала как основу этих отношений именно крестьянское малоземелье. Это ясно понимала демократическая мысль, также воспринимая подобный порядок как несправедливый и противоестественный. «Существование помещичьих хозяйств, таких, какие мы теперь встречаем, возможно только при существовании подневольных так или иначе — будут ли то крепостные по „положению“, или крепостные по экономическим причи-

⁵² Запрещая инсценировку «Карамазовых» в 1885 г., Совет Главного управления по делам печати разъяснял, что «произведение это ложится позорным пятном на русское помещичье сословие» (Орнатская Т. И., Степанова Г. В. Роман Достоевского и драматическая цензура // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1974. Т. 1. С. 268—285).

⁵³ Имея в виду цитируемое положение «Дневника писателя», В. Б. Шкловский пишет: Достоевский «нерешительно высказывался за то, что частное землевладение уже изжило свой век», это было «самым решительным», что Достоевский сказал в статье о финансах, «но сказал боком, что это даже и не запомнилось» (Шкловский В. Б. За и против: Заметки о Достоевском. М., 1957. С. 247).

нам, — обязанных работать на помещичьих полях, потому что нет хлеба, нет выгона, нет денег», — отвечал на вопрос, поставленный Достоевским, автор «Писем из деревни»,⁵⁴ намеченных писателем еще в 1878 г. для обязательного чтения (см.: 27, 115).

В славянофильской и в «охранительной» публицистике подобные принципы взаимоотношений помещичьего и крестьянского землевладения, напротив, признавались и вполне нормальными и единственно возможными. О таком обусловленном реформой сосуществовании помещичьего и крестьянского землевладения напоминала незадолго до выхода последнего «Дневника писателя» и славянофильская «Русь». Газета И. С. Аксакова отказывалась признать крестьянское малоземелье причиной неустройства деревни. В противовес и демократической и либеральной печати, указывающим на недостаточность крестьянского надела для обеспечения жизненного уровня крестьянской семьи, «Русь» заявляла, что крепость крестьянского хозяйства определяется не величиной надела, а возможностью помещения избытка рабочих сил вне его.⁵⁵ Симптоматично, что эту точку зрения «Руси» (газеты, которую он постоянно читал) Достоевский полностью игнорировал, выразив тем самым ее неприятие.

Писатель не только видел «разрушение», «упадок» старого владельческого класса, но в определенном смысле сознавал этот процесс неизбежным и закономерным, считая, что дворянство должно слиться с народом (стать «интеллигентным народом»), служить ему в качестве народной интеллигенции. Были у него, однако, предположения, «не захочет ли, напротив, сословие опять возгордиться и стать опять над народом властью силы, уж конечно, не прежним крепостным путем» (27, 9). Видя, как потесняется поместное дворянство в новых условиях, писатель рассматривал его как класс, далеко не отживший. Характерно, что он усматривал самый надежный способ обеспечить будущее своих детей, купив имение. (Подписка за «Дневник писателя» на 1881 г. и должна была наконец помочь осуществлению этой давней мечты.) «Тот, кто владеет землей, участвует и в политической власти над государством», — объяснял Достоевский жене свое стремление, высказывая соображение, что «к возрасту детей» стоимость земли «утроится» (30₁, 109).

Все же вопрос о помещичьем сословии, о дворянстве — его положении, интересах и привилегиях — отнюдь не казался ему главным, каким он представал в литературе «охранительной» или славянофильской. Так, идеолог самодержавия Катков на протяжении поре-

⁵⁴ *Энгельгардт А. Н.* Из деревни. 9-е письмо // *Отеч. зап.*, 1881. № 1. С. 171—200.

⁵⁵ *Самарин Д.* Теория о недостаточности крестьянских наделов по учению профессора Ю. Э. Янсона // *Русь*. 1880. № 1. С. 10—14. За эти положения славянофильской журналистики сразу же ухватились «охранители». Катков, провозгласив статью Самарина «новым словом» по крестьянскому вопросу, всячески стал ее пропагандировать. (*Моск. ведомости*. 1880. 5 сент., № 246; *Д. В.* [*Воейков Д. И.*] Крестьянское дело и его современные постановки // *Рус. вестн.* 1880. № 8).

форменных десятилетий выступал против «попыток отталкивать дворянство в область прошедшего», призывал его проникнуться чувством своей «непреходящей надобности», доказывая, что это «самородное создание русской истории» останется главной опорой престола, органической связью между царем и народом и потому всегда будет в е д у щ и м, основным.⁵⁶

Что касается роли ведущего сословия, то здесь у Достоевского были свои критерии, принципиально отличные и от «охранительной», и от либеральной идеологии. Для него «экономической аксиомой» являлось положение: «...кто обрабатывает землю, тот и ведет всё за собою», и потому именно «земледельцы и суть государство, ядро его, сердцевина» (27, 10).

В этом выделении класса основных производителей как ведущего, главного обнаруживаются черты родства с демократической мыслью, доказывавшей, что крестьянство составляет основу хозяйственной, финансовой и военной мощи страны, и потому призывавшей учитывать в первую очередь интересы этого трудящегося класса.

* * *

Определенная близость Достоевского в решении социально-экономических проблем к крестьянской демократии усматривается и в том, что для него они также были в значительной степени проблемами нравственными. Крестьянское малоземелье при наличии крупного помещичьего землевладения — такой порядок в пореформенной деревне осознавался писателем, как и народнической мыслью, не только как экономически нецелесообразный, но прежде всего как ненормальный, несправедливый.⁵⁷

Отмечая в записной тетради противоестественность того положения, когда «отдельное землевладение стоит отдельным элементом — опричником (т. е. чем-то изолированным, отстраненным. — В. Т.) от народа, от земли», Достоевский ставит вопрос, который тут же определяет как «неразрешимый»: «Захочет ли увериться народ, что не вся земля его и что опричники не должны быть?» (27, 53). Здесь чувствуется прямое соприкосновение с народничеством, утверждавшим вековую убежденность крестьянства в своем праве на землю, признававшим это коренной чертой крестьянского мировоззрения.

Меры к решению аграрного вопроса, предлагаемые «охранительной» и либеральной мыслью, Достоевский не считал сколько-нибудь

⁵⁶ Моск. ведомости. 1865. 3 окт., № 215; 1874. 1 сент., № 217; 1881. 6 дек., № 338; 1885. 21 апр., № 108.

⁵⁷ Серьезную пищу для размышлений давало и соотношение помещичьего и крестьянского землевладения в Старорусском уезде Новгородской губернии: 65 846 крестьян уезда владели 406 175 десятин земли (Памятная книжка Новгородской губ. на 1879 г. Новгород, 1879). В списке землевладельцев уезда, имеющих от 100 до 7 тыс. десятин, — 93 фамилии. В списке крупных землевладельцев, не занимающихся хозяйством, — 23 фамилии (среди них — 6, имеющих свыше 6 тыс. десятин), см.: *Полянский*. С. 94 (2-я паг.).

радикальными. Его журнал скептически высказывается по поводу отмены соляного налога и податной реформы, которым и «охранители», и либералы придавали столь важное значение. Достоевский видел в них лишь паллиативы, нечто «внешнее и не с самого корня начатое» (27, 13). То, что он даже не упоминает о других, столь охотно пропагандируемых и либеральной, и консервативной печатью мерах ликвидации нужды в деревне (переселениях, мелком поземельном кредите, нарезке за счет казенных земель), — красноречиво говорит о его к ним отношении. Не верил писатель и в возможность интенсификации земледелия при существующих в деревне условиях, которые, как он был убежден, обрекают крестьянина на самое варварское ведение хозяйства. «Крестьянин срамит и позорит почву, убивает скот некормлением, пьянством», — заносил он свои «сельскохозяйственные» впечатления в записную тетрадь (27, 53). Все это опять-таки сближает Достоевского с крестьянской демократией, определявшей эти частные, паллиативные средства как «штопанье мужицкой сермяги», неспособное по-настоящему помочь деревне.⁵⁸

Справедливо замечено, что сам «общественно-нравственный идеал Достоевского объективно никак не мог ужиться не только с помещичьим землевладением, а и вообще с частным владением землей, с превращением земли в средство эксплуатации».⁵⁹

Сколько горестных и гневных строк посвятил писатель русскому лесу, его безжалостному истреблению старыми и новыми владельцами имений, зачастую и приобретавшими их единственно, чтобы продать лес (как правило, это вполне окупало стоимость приобретенных земель) (27, 11; см. также: 23, 41—42; 24, 156, 158, 214, 221, 291; 25, 227). Мучительный для Достоевского «лесной вопрос» зачастую совершенно неожиданно возникал в его публицистике и письмах, показывая, насколько прочно держала эта — говоря современным языком, экологическая проблема — внимание писателя (30₁, 72).

Но и здесь, где, казалось бы, все вело к признанию недопустимости помещичьей собственности, этот вывод не был сделан.

К этому же признанию необходимости ликвидации помещичьего землевладения подводило и глубокое понимание бедственного положения крестьянских масс и неприятие либерально-охранительной программы частичных улучшений, тех подачек деревне, которые призваны были лишь отвлечь внимание от главной причины ее неустройства. Ведь сам писатель в последнем публицистическом выступлении недвусмысленно сказал о необходимости «корневых», а не «внешних» изменений в народной жизни. Однако, близко к сердцу приняв нужды и чаяния народа, мучаясь нищетой и неурядицей в деревне, предвидя опасные последствия подрыва «корней» жизни страны, Достоевский останавливался перед преградой

⁵⁸ См., например: *Русаков Н. С.* Штопанье мужицкой сермяги: (Кое-что по поводу «Проекта устава земского банка мелкого сельского земельного кредита») // Дело. 1880. № 10. С. 64—96.

⁵⁹ *Пруцков Н. И.* Русская литература XIX в. и революционная Россия. С. 63.

утвержденных официальной идеологией и освященных религией понятий частной собственности — в его представлении незыблемых. Не случайно в его записи о бедственном состоянии деревни, сделанные с бескомпромиссностью и глубиной лучших страниц демократической журналистики, врываются замечания, более подходящие для передовиц «Московских ведомостей»: «Превратные мысли: даром возьмем»⁶⁰ (27, 75). Как нечто ложное, извращенное оценивает писатель мужицкие притязания на помещичью землю, сходясь тем самым в признании неприкосновенности помещичьей собственности и с «охранителями», и со столь третируемыми им либералами. Едва ли не единственный из крупных русских писателей, так или иначе причастных к «деревенской теме», он занимает подобную позицию. И Л. Толстой, и Салтыков-Щедрин, и Успенский, и Короленко считали право мужика на землю неоспоримым, решительно высказываясь за ликвидацию помещичьей собственности. Вот почему трудно согласиться с мнением, что Достоевский последовательно представлял и защищал интересы „серых зипунов“, многомиллионного русского крестьянства.⁶¹ Писатель искренне стремился к этому, однако стать последовательным защитником крестьянства ему помешало то уважение к существующему порядку, которое верно отмечала в нем демократическая критика.⁶²

Не соглашаясь с насильственной ломкой сложившихся в деревне отношений, он уповает на нравственное совершенствование общества, которому придавал всегда решающее, в противовес реформам и учреждениям, значение, по-своему сходясь здесь с Толстым. «Мечтаю видеть и как бы уже вижу ясно наше грядущее, — вещал старец Зосима, которому автор отдал некоторые свои заветные мысли, — ибо будет так, что даже самый развращенный богач наш кончит тем, что устыдится богатства своего пред бедным, а бедный, видя смирение сие, поймет и уступит ему с радостью, и лаской ответит на благолепный стыд его. Верьте, что кончится сим: на то идет» (14, 286). Но верить было трудно. 6-я книга романа, куда вошли поучения старца Зосимы, печаталась, когда позиция власти и господствующих классов по крестьянскому вопросу определилась с предельной четкостью, характерной для кризисного положения в стране. Опровергая распространившиеся среди крестьян слухи об увеличении наделов, циркуляр министра внутренних дел Макова объяснял, что «ни теперь, ни в последующее время никаких дополнительных к крестьянским участкам нарезок не будет и быть не

⁶⁰ В окончательном тексте «Дневника писателя» Достоевский передает народные толки о помещичьей земле («И без денег возьмем») без этой оценки (27, 17).

⁶¹ Степанян К. Цена гипотезы. Достоевский: парадоксы прочтения // Лит. Россия. 1985. 15 нояб., № 46. С. 14; Волгин И. Последний год Достоевского. М., 1986. С. 399.

⁶² «Общий порядок вещей был для него неприкосновенен по глубочайшим, может быть интимнейшим требованиям его ума и сердца», — писал о Достоевском Н. К. Михайловский (Н. М. Записки современника // Отеч. зап. 1881. № 2. С. 253).

может». «Никогда не может случиться такой неправды, такой обиды, чтобы земля, законным порядком за кем-либо укрепленная, была у законного владельца отнята и передана кому-либо другому».⁶³ И если реакционная печать вообще отрицала недостаточность мужицкого надела, то либеральная, признавая крестьянское малоземелье, всегда подчеркивала недопустимость его ликвидации за счет помещичьей собственности.

Яростная защита классовых интересов помещиков в «охранительной» и славянофильской журналистике, их полная поддержка в либеральной печати создавали поучениям «смирennemудрого старца» своеобразный фон, подрывающий веру в «благое» и полюбовное решение аграрного вопроса в России.

В самом романе абстрактной проповеди Зосимы об «отсечении» излишних потребностей и добровольном отречении от богатства противостояли полнокровные образы помещиков — прежде всего Федора Павловича Карамазова. Передовая критика оценила этот образ не просто как выдающийся художественный портрет, а как воплощение вполне определенного социального типа.⁶⁴ Паразит, живущий чужим трудом, за счет нажитого грязными способами капитала, видящий смысл существования в удовлетворении своих низменных потребностей, глухой к чужой беде, отъединенный даже от родных детей своекорыстными стремлениями, — таким показан представитель тех «развращенных богачей», которым Зосима уготовил впереди нравственное перерождение и добровольный отказ от всех привилегий.

Но если разночинская интеллигенция не могла всерьез принять решение социальных вопросов, которое предвидел Зосима,⁶⁵ то и «охранителям» оно не пришлось по душе, хотя и по иным причинам. В грозный период революционного кризиса проповедь Зосимы, отвергавшая насилие, призывавшая к мирному разрешению социальных противоречий, в определенной мере была желательной приверженцам существующего строя, являясь своеобразной антитезой революционно-демократической позиции. Редактор «Русского вестника» именно в этом и видел ее целесообразность, закрывая до поры до времени глаза на ее другие стороны.

Однако когда в середине 1880 г. издательство «Посредник» задумало издать беседы старца Зосимы брошюрой для народа, то встретило решительный запрет. Цензура усматривала «явный вред

⁶³ Литература партии «Народная воля». С. 14.

⁶⁴ Одна из первых оценок, подчеркивающих социальную значимость образа Ф. П. Карамазова, принадлежала М. Е. Салтыкову-Щедрину (Отеч. зап. 1879. № 12. С. 231). В комментариях к роману Г. М. Фридендера справедливо отмечено, что в заметках Салтыкова-Щедрина образ Иудушки (из «Господ Головлевых») «как бы незримо сопутствует образу Федора Карамазова» (15, 494). «Сердцевину целого строя» увидел в «карамазовщине» демократический журнал (Ф. Б—ъ. Новые типы «забитых людей» // Дело. 1880. № 3. С. 40).

⁶⁵ См.: *Цебрикова М. К.* Двойственное творчество. С. 20—21; *Н. М. [Михайловский Н. К.]* Литературные заметки. С. 99; *Алексеев Л.* О «Братьях Карамазовых» // Рус. богатство. 1881. № 11. С. 23.

в распространении в крестьянской среде мистико-социального учения» Достоевского, отмечая его сходство с идеями Толстого и несогласие с духом учения православной церкви и «с существующими порядками государственной и общественной жизни».⁶⁶

Начальник Главного цензурного управления Е. М. Феокистов, ничего не предпринимавший без совета с Катковым и Победоносцевым (ставленником которых он и был), безоговорочно одобрил это решение цензурного комитета. А ведь, казалось бы, Каткова сама «честь мундира» обязывала вступить за произведение, печатавшееся в его журнале. Да и Победоносцев в свое время не упускал случая заявить, что Зосима задуман по его указаниям.⁶⁷ Но если в период революционного кризиса «охранителям» важно было создать впечатление солидарности писателя с правящим лагерем, использовать его религиозные иллюзии, то в годы спада общественного движения эти тактические соображения учитывались уже менее, нежели «несогласия» Достоевского с духом официальной идеологии и религии.

* * *

Январский «Дневник писателя» за 1881 г., с особой остротой поставивший проблемы пореформенной деревни, дал новый заряд обсуждению крестьянского вопроса в демократической журналистике. Для печати «охранительной», славянофильской, либеральной характерно поразительное единство в игнорировании при обращении к публицистике Достоевского именно этих проблем. Поставленные им с такой силой и прямотой, они и требовали столь же честного и открытого разговора, на который представители этой печати не хотели и не могли решиться. Напротив, в демократических журналах начала 1881 г. наметилась явная тенденция, продолжив начатый писателем разговор, довести его до логически вытекающих заключений. Уже в февральском номере «Дела» отмечается оживление и усиление «всеобщих толков о мужике». В серии статей «Жизнь и печать», начавших публиковаться с этого номера, посвященных обзору современной журналистики, автор (им был член Исполнительного комитета «Народной воли» Л. А. Тихомиров, скрывавшийся под псевдонимом И. К.: И. Кольцов) сосредоточился именно на этих толках, по его словам, столь понятных в такой «ультрамужицкой стране», как Россия, где «мужик это всё». Не ссылаясь прямо на Достоевского, он явно учитывает основные положения его последнего журнала по крестьянскому вопросу. Поддерживая мысль о том, что интересы крестьянства — в основе всей государственной жизни России, автор «Дела» и утверждает необходимость более последовательно считаться с ними, помня, что все вредное для мужика вредно и плохо для страны в целом. Демокра-

⁶⁶ Лебедев В. К. Отрывок из романа «Братья Карамазовы» перед судом царской цензуры // Рус. лит. 1970. № 2. С. 124—125.

⁶⁷ См.: Гроссман Л. П. Достоевский и правительственные круги 1870-х годов // Лит. наследство. 1934. Т. 15. С. 89.

тический журнал призывает отбросить предвзятые понятия и укоренившиеся предрассудки, мешающие прямо поставить вопрос об удовлетворении насущных нужд основных производителей. Призывает не бояться, говоря об интересах мужика, традиционного в «превратных толкованиях упрека». Именно этот страх мешает поставить вопрос «о безусловном праве государства приносить частные интересы в жертву общенародным». «Превратное толкование», утверждает автор (как бы заглянув в записную тетрадь Достоевского, так определившего мысли мужика о возможности даром взять помещичьи земли), должно означать именно то, что вредно для крестьянства, например, его обезземеливание.⁶⁸

Остро поставлены вопросы о подлинной и мнимой любви к народу и в статье о Достоевском, опубликованной в февральской книжке «Слова» — демократическом журнале, уже доживавшем под натиском цензуры последние дни. Автор статьи М. К. Цебрикова, близко стоявшая к революционной среде (ее книжки использовались народниками для пропаганды в деревне), признавая, что Достоевским движет любовь к народу, отказывается принять его упрек интеллигенции в пренебрежении к «народной правде». Писательница-демократка напоминает, что «народная правда» включает в себя понятия мужика о земле и потому, с ее точки зрения, в последовательном отстаивании этих понятий больше любви к народу и уважения к его правде, чем в декларативном следовании народным традициям, характерным для «Руси», одновременно заносящей руку на народные идеалы.⁶⁹

По-своему продолжил обсуждение крестьянской темы на страницах либерального журнала В. В. Берви-Флеровский в анонимной статье, для которой также характерно стремление довести до конца мысль о необходимости найти выход из «грозового» положения деревни. Народнический публицист развивает свою заветную идею о противоестественности частной собственности на землю, о необходимости распределения ее во владение общин.⁷⁰

Как уже говорилось, эта позиция была для Достоевского чужда, как всякое насильственное разрешение социального вопроса. Отчуждение, экспроприация неприемлемы для него с религиозно-нравственной точки зрения. Но, отвергая насилие против класса помещиков, писатель, искренне и честно стремившийся выразить интересы народа, в котором видел корень жизни страны, оказывался на стороне тех, кто узаконивал насилие над мужиком.

«Копачий надел» при засилье помещичьего землевладения являлся основой «отработков» и «кабалы» — хозяйственной системы, порождавшей это повседневное насилие над личностью, потребностями и стремлениями крестьянина. «Представьте себе положение

⁶⁸ И. Кольцов [Тихомиров Л. А.]. Жизнь и печать // Дело. 1881. № 2. С. 137 и след.

⁶⁹ Цебрикова М. К. Двойственное творчество. С. 27.

⁷⁰ [Берви-Флеровский В. В.] Наши великие экономические вопросы // Русь. 1881. № 1, 5. Из примечаний к статье редакции следовало, что она не во всем разделяет позицию автора.

хозяина, который должен оставить под дождем свой хлеб, чтобы ехать возить чужие снопы», — призывал читателя со страниц «Отечественных записок» публицист-народник, поражаясь тому хладнокровию, с которым мужик, оставив свое поле, едет на господское. «Но это хладнокровие только кажущееся», — замечал автор, рассказывая, какие сложные переживания обуревают мужицкую душу.⁷¹ На страницах демократических журналов тех лет все чаще появлялся мужик не просто ограбленный, опутанный неустойками, недоимками, непосильными платежами, но и озлобленный, накопивший в груди «столько отчаяния, злобы и ненависти», что можно предвидеть — «они вырываются наружу и выражаются в образе самых диких порывов».⁷²

И Достоевский, так стремившийся заглянуть в душу народа, проникнуть в глубину его мыслей и переживания, выносил близкие этому впечатления. Говоря о нищете, беззаконии и бессудности в деревне, он замечает, что все это «довеет до отчаяния, до бунта» (27, 48). Так возникает в его последней рабочей тетради это грозное слово — как определение возможного исхода из отчаянного положения народных масс, слово, которым несколько ранее, в 5-й книге «Карамазовых» («Pro и contra» — гл. IV, Бунт), он выразил настроение своего героя, представителя интеллигенции, не приемлющего существующий порядок. Подобные настроения писатель, осуждая, противопоставлял терпению народа, его «внутренней правде». И вот в последний год жизни он постигает незнакомые черты народной правды — жажду нового порядка, готовность постоять за свои интересы, ощущает мятежный дух народа.

Не случайно в подготовительных записях к «Экономической статье» появляется образ революционной Франции: обстановка в России кажется ему напоминающей то, что происходило в 1790 г. (27, 53). Трудно согласиться поэтому с утверждением, что в «русской жизни пореформенных десятилетий Достоевский, в отличие от Толстого, не замечал и не ощущал накаленной общей атмосферы — нарастающего недовольства и протеста народных масс и передовой интеллигенции».⁷³

Но, осознавая это всеобщее недовольство, готовность масс к протесту, писатель указывал на иллюзорный по сути выход из положения. Вера в «благолепное», мирное разрешение социальных вопросов — ко всеобщему удовлетворению — противоречила его же собственным жизненным наблюдениям, анализу реальной действительности. Да и вряд ли сам он мыслил в обозримом будущем добровольное отречение господствующих классов от собственности, единение богачей с бедняками. «Это — задание на сотни лет, — замечал А. В. Луначарский о пророчествах «вдохновенных мона-

⁷¹ *Энгельгардт А. Н.* Из деревни. 9-е письмо. С. 179—180.

⁷² *Максимов Н.* Забытые. Очерки деревенской жизни // Слово. 1878. № 8. С. 86.

⁷³ *Пруцков Н. И.* Русская литература XIX в. и революционная Россия. С. 88.

хов» у Достоевского, — это — отдаленное будущее или даже нечто потустороннее». ⁷⁴

А в настоящем — в реальной жизни России на рубеже 1870—1880-х гг. писатель видел «неразрешимые задачи, стоящие грозой в будущем» (27, 53). Эта горькая запись в рабочей тетради по своему передает ощущение безвыходности, которое неизбежно должно было прийти в той обстановке к Достоевскому. Отвергавший революционные преобразования, не веривший в частные, паллиативные меры, предлагаемые либералами, он, со свойственной ему честностью, не мог удовлетвориться и собственным решением социальных проблем. Поставленные им с предельной остротой, они действительно были «неразрешимыми» религиозно-нравственным путем и грозно предвещали борьбу и потрясения.

⁷⁴ *Луначарский А. В. Достоевский как мыслитель и художник // Луначарский А. В. Русская литература. М., 1947. С. 229.*